

Фрейд Зигмунд

Леонардо да Винчи

Воспоминание детства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
3-59

3-59 **Зигмунд Ф.**
Леонардо да Винчи: Воспоминание детства / Фрейд Зигмунд – М.: Книга по Требованию,
2023. – 100 с.

ISBN 978-5-521-28661-4

ISBN 978-5-521-28661-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сторонность его дарованій и свѣдѣній, которая дала ему возможность быть представленнымъ при дворѣ герцога Миланскаго, Людовика Сфорца, прозваннаго il Мого, въ качествѣ лютниста или имъ самомъ изобрѣтенномъ инструментѣ; или позволила написать этому герцогу то замѣчательное письмо, въ которомъ онъ гордился своими заслугами строителя и военного инженера. Къ такому соединенію разностороннихъ знаній въ одномъ человѣкѣ время ренессанса, конечно, привыкло; во всякомъ случаѣ Леонардо былъ только однимъ изъ блестящихъ примѣровъ этого. Онъ не принадлежалъ также и къ тому типу гениальныхъ людей съ виду обдѣленныхъ природой, которые и съ своей стороны не придаютъ цѣны внѣшнимъ формамъ жизни и въ болѣзненно-мрачномъ настроеніи избѣгаютъ общенія съ людьми. Напротивъ, онъ былъ высокъ, строенъ, прекрасенъ лицомъ и необыкновенной физической силы, обворожителенъ въ обращеніи съ людьми, хорошій ораторъ, веселый и привѣтливый. Онъ и въ предметахъ его окружающихъ любилъ красоту, носилъ съ удовольствіемъ блестящія одежды и цѣнилъ утонченныя удовольствія. Въ одномъ указывающемъ на его склонность къ веселью и наслажденію мѣстѣ своего трактата о живописи онъ сравниваетъ художество съ родственными ему искусствами и изображаетъ тяжесть работы скульптора: „Вотъ онъ вымазалъ себѣ лицо и напудрилъ его мраморной пылью такъ, что выглядитъ булочникомъ; онъ покрытъ весь мелкими осколками мрамора, какъ

будто сѣбѣ нападать ему прямо на спину и лице его наполнено осколками и пылью. Совѣтъ другое у художника, художникъ сидитъ со всеми удобствами передъ своимъ произведеніемъ — хорошо одѣтый и водитъ совѣтъ легкой кисточкой съ прелестными красками. Онъ разодѣтъ, какъ ему нравится. И лице его наполнено веселыми рисунками и блеститъ чистотой. Зачастую у него собирается общество музыкантовъ или лекторовъ различныхъ прекрасныхъ произведеній и слушается это съ большимъ наслажденіемъ безъ стука молотка и другого какого шума“.

Конечно, очень вѣроятно, что образъ сверкающе веселаго, любящаго удовольствія Леонардо вѣренъ только для перваго, болѣе продолжительнаго, періода жизни художника. Съ той поры, какъ падѣніе власти Людовика Моро заставило его покинуть Миланъ, обезвѣченное положеніе и поле дѣятельности, чтобы до самаго послѣдняго своего пристанища во Франціи вести скитальческую, бѣдную, вѣчными успѣхами жизнь, съ той поры могли померкнуть блескъ его настроенія и выступить яснѣе странныя черты его характера. Также усиливающееся съ годами отклоненіе его интересовъ отъ искусства и, какъ будто должно было способствовать увеличенію пропасти между нимъ и его современниками. Все эти опыты, надъ которыми онъ по ихъ мнѣнію „проваландывалъ время“ вмѣсто того, чтобы усердно рисовать заказы и обогащаться, какъ, напримѣръ, его бывшій соученикъ Перугино, казались имъ причудливыми игрушками и даже навлекали на него подозрѣніе, что онъ

служить „черной магии“. Мы, знающіе по его запискамъ, что именно онъ изучалъ, понимаемъ его лучше. Въ то время, когда авторитетъ церкви началъ замѣняться авторитетомъ античнаго мира и когда еще не знали безпристрастнаго изслѣдованія, онъ былъ предтеча и даже достойный сотрудникъ Бекона и Коперника, — поневолѣ одинокій. Когда онъ разбиралъ трупы лошадей и людей, строилъ летательные аппараты, изучалъ питаніе растений и ихъ реакціи на яды, онъ во всякомъ случаѣ далеко уходилъ отъ комментаторовъ Аристотеля и приближался къ презираемымъ алхимикамъ, въ лабораторіяхъ которыхъ экспериментальное изслѣдованіе находило по крайнѣй мѣрѣ приютъ въ тѣ неблагопріятныя времена.

Для его художественной дѣятельности это имѣло то послѣдствіе, что онъ неохотно брался за кисть, писалъ все рѣже, бросалъ начатое и мало заботился о дальнѣйшей судьбѣ своихъ произведеній. Это-то и ставили ему въ упрекъ его современники, для которыхъ его отношеніе къ искусству оставалось загадкой.

Многіе изъ позднѣйшихъ почитателей Леонардо пытались сгладить упрекъ въ непостоянствѣ его характера. Они доказывали, что то, что порицается въ Леонардо, есть особенность большихъ мастеровъ вообще. И трудолюбивый, ушедшій въ работу, Микель Анжело оставилъ неоконченными многія изъ своихъ произведеній, и въ этомъ онъ такъ-же мало виноватъ, какъ и Леонардо. Иная же картина не столько была неокончена, сколько считалась имъ за таковую. То, что профану уже

кажется шедевромъ, то для творца художественнаго произведенія все еще неудовлетворительное воплощеніе его замысла; передъ нимъ носится то совершенство, которое передать въ изображеніи ему никакъ не удастся. Всего же менѣе возможно художника дѣлать отвѣтственнымъ за конечную судьбу его произведеній.

Какъ бы ни были основательны многія изъ этихъ оправданій, все же онѣ не объясняютъ всего въ Леонардо. Мучительные порывы и ломка въ произведеніи, оканчивающаяся бѣгствомъ отъ него и равнодушіемъ къ его дальнѣйшей судьбѣ могло повторяться и у другихъ художниковъ; но Леонардо безъ сомнѣнія проявлялъ эту особенность въ высшей степени. Edm. Solmi *) цитируетъ (стр. 12) слова одного изъ его учениковъ: „Pareva, che ad ogni ora tremasse, quando si poneva a dipingere, e pero non diede mai fine ad alcuna cosa cominciata, considerando la grandezza dell' arte, tal che egli scorgeva errori in quelle cose, che ad altri parevano miracoli“. Его послѣднія картины, Леда, Мадонна di sant' Onofrio, Бахусъ и san giovanni Battista giovane остались будто бы не оконченными „come quasi intervenne di tutte le cose sue....“ Lomazzo, **) который дѣлалъ копію Тайной Вечери, ссылается въ одномъ сонетѣ на извѣстную неспособность Леонардо закончить какое-нибудь произведеніе:

„Protegen che il penel di sue pitture

*) Solmi. La resurrezione dell'opera di Leonardo въ сборникѣ: Leonardo da Vinci. Conferenze Fiorentine. Милано 1910.

**) Y Scognamiglio. Ricerche e Dokumenti sulla giovinezza di Leonardo da Vinci. Napoli 1900.

Non levava, agguaglio il Uinci Divo,
Di cui opra non è finita pure“.

Медлительность, съ которой Леонардо работалъ, вошла въ пословицу. Надъ Тайной Вечерей въ монастырѣ Santa Maria delle Grazie въ Миланѣ работалъ онъ, послѣ основательной къ этому подготовки, цѣлыхъ три года. Одинъ его современникъ, писатель новеллъ Matteo Bandelli, бывшій въ то время молодымъ монахомъ въ монастырѣ, рассказываетъ, что часто Леонардо уже рано утромъ всходилъ на лѣса, чтобы до сумерекъ не выпускать изъ руки кисти, забывая ѣсть и пить. Потомъ проходили дни безъ того, чтобы онъ прикоснулся къ работѣ, временами оставался онъ часами передъ картиной, удовлетворяясь переживаніемъ ея внутренно. Другой разъ приходилъ онъ въ монастырь прямо со двора Миланскаго замка, гдѣ онъ дѣлалъ модель статуи всадника для Francesco Sforza, чтобы сдѣлать нѣсколько мазковъ на одной изъ фигуръ и потомъ немедленно уйти *). Портретъ монны Лизы, жены Флорентинца Франциска Джіокондо, писалъ онъ, по словамъ Вазари, четыре года, не будучи въ состояніи его закончить, что подтверждается можетъ быть еще и тѣмъ, что портретъ не былъ отданъ заказчику, а остался у Леонардо, который взялъ его съ собой во Францію **). Приобрѣтенный королемъ Францискомъ I, онъ составляетъ теперь одно изъ величайшихъ сокровищъ Лувра.

*) W. v. Seidlitz. „Leonardo-da Vinci, der Wendepunkt der Renaissance“. 1909, I III., стр. 203.

**) v. Seidlitz l. c., II Bd. p. 48.

Если сопоставить эти рассказы о характерѣ работы Леонардо со свидѣтельствомъ многочисленныхъ сохранившихся послѣ него эскизовъ и этюдовъ, во множествѣ варьирующихъ каждый встрѣчающійся въ его картинѣ мотивъ, то придется далеко отбросить мнѣніе о мимолетности и непостоянствѣ отношенія Леонардо къ его искусству. Напротивъ того, замѣчается необыкновенная углубленность, богатство возможностей, между которыми только медленно выкристаллизовывается рѣшеніе, запросы, которыхъ болѣе чѣмъ достаточно, и задержка въ выполненіи, которая, собственно говоря, не можетъ быть объяснена даже и несоотвѣтствіемъ силъ художника съ его идеальнымъ замысломъ. Медлительность, издавна бросающаяся въ глаза въ работѣ Леонардо, оказывается симптомомъ этой задержки, какъ предвѣстникъ отдаленія отъ художественнаго творчества, которое впоследствии и наступило *). Эта задержка опредѣлила и не совсѣмъ незаслуженную судьбу Тайной Вечери. Леонардо не могъ сродниться съ рисованіемъ al fresco, которое требовало быстроты работы, пока еще не высохъ грунтъ; поэтому онъ избралъ масляныя краски, высыханіе которыхъ ему давало возможность затягивать окончаніе картины, считаясь съ настроеніемъ и не торопясь. Но эти краски отдѣлялись отъ грунта, на который накладывались и который отдѣлялъ ихъ отъ стѣны; недостатки этой стѣны и судьбы помѣщенія

*) w. Pater. Die Renaissance. Съ англійскаго. Второе изданіе 1906. „Все-таки несомнѣнно, что онъ въ извѣстный періодъ своей жизни почти пересталъ быть художникомъ“.

присоединились сюда-же, чтобы рѣшить непредотвратимую, какъ кажется, гибель картины *).

Изъ - за неудачи подобнаго-же технического опыта погибла, кажется, картина битвы всадниковъ у Anghiari, которую онъ позднѣе началъ рисовать въ конкурсъ съ Микелемъ Анжело на стѣнѣ зала del Consiglio во Флоренціи, и тоже оставилъ недооконченной. Похоже, какъ будто постороннее участіе экспериментатора сначала поддерживало искусство, чтобы потомъ погубить художественное произведеніе.

Характеръ Леонардо проявлялъ еще и другія необыкновенныя черты и кажуціяся противорѣчія. Нѣкоторая бездѣятельность и индифферентность были въ немъ очевидны. Въ томъ возрастѣ, когда каждый индивидуумъ старается захватить для себя какъ можно большее поле дѣятельности, что не можетъ обойтись безъ развитія энергичной агрессивной дѣятельности по отношенію къ другимъ, онъ выдѣлялся спокойнымъ дружелюбнымъ, избѣгая всякой непріязни и ссоръ. Онъ былъ ласковъ и милостивъ со всѣми, отвергалъ, какъ извѣстно, мясную пищу, потому что считалъ несправедливымъ отнимать жизнь у животныхъ и находилъ особое удовольствіе въ томъ, чтобы давать свободу птицамъ, которыхъ онъ покупалъ на базарѣ **). Онъ осуждалъ войну и кровопро-

*) Ср. у Seidlitz, B. I. Die Geschichte der Restaurations-und Rettungsversuche.

**) E. Müntz. Leonardo da Vinci. Paris 1899, p. 18. (Письмо одного современника изъ Индіи къ одному изъ Медичей намекаетъ на эту странность Леонардо. По Рихтеру: The literari Works of L. d. v.).

литіе и называлъ человѣка не столько царемъ животнаго царства, сколько самымъ злымъ изъ дикихъ звѣрей *). Но эта женственная нѣжность чувствованій не мѣшала ему сопровождать приговоренныхъ преступниковъ на ихъ пути къ мѣсту казни, чтобы изучать ихъ искаженные страхомъ лица и зарисовывать въ своей карманной книжкѣ; не мѣшала ему рисовать самыя ужасныя рукопашныя сраженія и поступить главнымъ военнымъ инженеромъ на службу Цезаря Борджіа. Онъ кажется часто какъ будто индифферентнымъ къ добру и злу,—или надо мѣрить его особой мѣркой. Въ отвѣтственной должности участвовалъ онъ въ одной военной кампаніи Цезаря, которая сдѣлала этого черстваго и вѣроломнѣйшаго изъ всѣхъ противниковъ обладателемъ Романіи. Ни одна черточка произведеній Леонардо не обнаруживаетъ критику или сочувствіе событіямъ того времени. Напрашивается сравненіе его съ Гёте во время французскаго похода.

Если біографъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ проникнуть въ пониманіе душевной жизни своего героя, онъ не долженъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ біографій, обходить молчаніемъ изъ скромности или стыдливости его половую своеобразность. Съ этой стороны о Леонардо извѣстно мало, но это малое очень значительно. Въ тѣ времена, когда безграничная чувственность боролась съ мрачнымъ аскетизмомъ, Леонардо былъ примѣромъ

**) F. Botazzi. Leonardo biologo e anatomico. In Conferenze Fiorentine, p. 186, 1910.

строгаго полового воздержанія, какое трудно ожидать отъ художника и изобразителя женской красоты. Solmi*) цитируетъ слѣдующую его фразу характеризующую его цѣломудріе: „Актъ соитія и все, что стоитъ съ нимъ въ связи, такъ отвратительны, что люди скоро-бы вымерли, если-бы это не былъ освященный стариной обычай, и если-бы не оставалось еще красивыхъ лицъ и чувственнаго влеченія“. Оставленныя имъ сочиненія, которыя вѣдь не исключительно трактуютъ высшія научныя проблемы, но содержатъ и предметы безобидныя, которые кажутся намъ едва-ли даже достойными такого великаго духа (аллегорическая естественная исторія, басни о животныхъ, шутки, предсказанія**), въ такой степени цѣломудренны, что это удивительно было-бы даже въ произведеніи нынѣшней изящной литературы. Они такъ рѣшительно избѣгаютъ всего сексуальнаго, какъ будто-бы только одинъ Эросъ, который охраняетъ все живущее, есть матерія недостойная любознательности изслѣдователя***). Извѣстно, какъ часто великіе художники находятъ удовольствіе въ томъ, что даютъ перебѣситься своей фантазіи въ эротическихъ и даже непристойныхъ изображеніяхъ; отъ Леонардо, напротивъ, мы имѣемъ только нѣкоторыя анатомическіе чертежи внутреннихъ жен-

*) E. Solmi. Leonardo da Vinci.

**) Marie Herzfeld, Leonardo da Vinci der Denker, Forscher und Poet. Zweite Auflage, Iena 1906.

***) Можетъ быть въ этомъ отношеніи незначительное исключеніе составляютъ собранныя имъ шутки — *belle facezie*. — которыя еще не переведены. Ср. Herzfeld, L. d. V., p. CLI.

скихъ половыхъ органовъ, положенія плода въ утробѣ матери и тому подобное.

Сомнительно, чтобы Леонардо когда-нибудь держалъ женщину въ любовныхъ объятіяхъ; даже о какомъ-нибудь духовномъ интимномъ отношеніи его съ женщиной, какое было у Микель Анжело съ Викторіей Колонной, ничего неизвѣстно. Когда онъ жилъ еще ученикомъ въ домѣ своего учителя Verrocchio, на него и другихъ юношей поступилъ доносъ по поводу запрещеннаго гомосексуальнаго сожитія. Разслѣдованіе окончилось оправданіемъ. Кажется, онъ навлекъ на себя подозрѣніе тѣмъ, что пользовался какъ моделью имѣвшимъ дурную славу мальчикомъ *). Когда онъ сталъ мастеромъ, онъ окружилъ себя красивыми мальчиками и юношами, которыхъ онъ бралъ въ ученики. Послѣдній изъ этихъ учениковъ, Francesco Melzi, послѣдовалъ за нимъ во Францію, оставался съ нимъ до его смерти и назначенъ быть имъ его послѣдникомъ. Не раздѣляя увѣренности современныхъ его біографовъ, которые, разумѣется, отвергаютъ съ негодованіемъ возможность половыхъ отношеній между нимъ и его учениками, какъ ни на чемъ не основанное обезчещиваніе великаго человека, можно было-бы съ большей вѣроятностью предположить, что вѣжныя отношенія Леонардо къ молодымъ людямъ, которые по тогдашнему положенію учениковъ жили съ нимъ одной жизнью,

*) Этотъ инцидентомъ объясняется, по мнѣнію Scognamiglio, темное и различно понимаемое мѣсто въ Codex Atlanticus: „Quando io feci Domeneddio putto voi mi metteste in prigione. ora s'io lo fo grande, voi mi farete peggio“.